

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-162-171

УДК 821.161.1

Парадокс «банного строения»: К литературной репутации М.Т. Каченовского

В.А. Кошелев

Аннотация: В статье рассматривается журнальная полемика 1810-х годов о «банном строении». Демонстрируются механизмы формирования литературных репутаций. Показано, как ученый спор трансформируется в анекдот, а его предмет, утратив свое конкретное значение, становится эпиграмматической темой.

Ключевые слова: русская журналистика XIX в., журнальные полемики, литературные репутации, М.Т. Каченовский, А.С. Пушкин, «Вестник Европы».

Информация об авторе: Вячеслав Анатольевич Кошелев, д.ф.н., проф. Арзамасский филиал Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Арзамас; Великий Новгород. E-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru

Михайло Трофимович Каченовский (1775–1842), доктор философии, профессор истории Московского университета и многолетний редактор популярнейшего русского журнала «Вестник Европы», в пародийном «Парнасском адрес-календаре...» (1818) А.Ф. Воейкова представлен следующим образом: «великий государственный архивариус, хранитель древней пыли, обер-банщик торговых Гиппокренских бань, бессменный член банного строения, церемониймейстер предбанников, ордена бани кавалер; имеет через плечо веник на лыке»¹.

Столь странное «представление» уважаемого московского профессора кажется не очень понятным. Даже и неприятели, не любившие Каченовского, как отмечал желчный Ф.Ф. Вигель, «отдавали справедливость его уму и учености», отделяя от них «ненавистные свойства» его характера: «беспокойный дух, ужасное выскомерие, пронырство, неблагодарность, раздражительность и вечную жажду мести»². А людям младшего поколения, вроде братьев Полевых, редактор «Вестника Европы» и вовсе казался «чем-то

¹ Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. М.-Л., 1931. Т. 1. 1800–1840. С. 548.

² Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 268.

близким, родным): «Многие умные и ученые статьи его внушали нам невольное уважение к нему и уже с детства мы воображали его необыкновенным человеком, удивительным писателем, который знает все, потому что говорит обо всем, раздаст хвалы и осуждения и всегда остается на недосягаемой другими высоте»³. Но почему тогда «обер-банщик» и «веник на лыке»?

Дело в том, что в 1810 г. Михайло Трофимович выступил с рецензией на маленькую, явно непрофессиональную, брошюрку, где рассматривалось одно из «темных» мест в «Повести временных лет». Брошюрка (и рецензия) называлась «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор». Автором был Иван Романович Мартос (1760–1831), бывший «кабинетный секретарь» у графа К.Г. Разумовского. Он обратил внимание на летописный пересказ события, произошедшего в 6597 (1089) году: епископ Ефрем «заложил бо церковь на воротах Святого Федора и Святого Андрея у ворот и город каменной и *строение банное каменно, сего же не бысть прежде в Руси...*». И задался вопросом: что это было за эксклюзивное «каменное банное строение», перечислив версии, высказывавшиеся прежними историками: «всенародные (торговые) бани», «больница для народа», «купель для крещения возрастных», «стену монастырскую», «каменные церковные куполы» («слово “баня” в просторечии означает церковную главу или купол»). И сделал вывод, что имелись в виду именно церковные купола, впервые увенчавшие храмы на Руси.

Каченовский, на множестве примеров, подверг насмешливой критике это утверждение и в конце рецензии заметил: «мы предложили свои замечания единственно с намерением показать, что место о банном строении еще не совершенно исследовано, и потом примолвить, что таких мест великое множество в старинных наших летописях»⁴. По сути, «охлаждающий» пыл Каченовского был абсолютно правилен: позднее Н.М. Карамзин язвительно отзывался о сочинении Мартоса в «Истории государства Российского» (Т. II. Примеч. 160). А современная медиевистика вообще выносит словечко *банное*, что называется, «за скобки» летописного повествования: его нет, например, в переводе древнерусского текста «Повести временных лет», подготовленном Д.С. Лихачевым⁵.

Но рецензия Каченовского появилась в «Вестнике Европы» (в январе 1810 г.) — и «джинн вылез из бутылки!» И.Р. Мартос, влиятельный петербургский масон, поспешил затеять полемику.

³ Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой. Мат-лы по истории русской журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 129.

⁴ Вестник Европы. 1810. Ч. 49. № 1. С. 70.

⁵ Повести древней Руси XI–XII века. Л., 1983. С. 97, 200.

Уже в сентябре 1810 г. в «Вестнике...» появляется его «антикритика» («Изъяснение против критики...» — Ч. 53. № 18. С. 145–154). Каченовский не отвечал — тем не менее, Мартос провоцирует продолжение, посылая в журнал огромную статью «Изложение споров о банном строении, о котором повествует летописец Нестор». В создавшейся ситуации редактор «Вестника...» вынужден ее напечатать — в двух номерах конца 1811 — начала 1812 гг.: Ч. 60, № 22. С. 116–139; Ч. 61. № 1. С. 25–52). И, чтобы не увеличивать «толков», помещает свою статью, расставляющую все точки над *i*: «Еще несколько слов о банном строении» (Ч. 65. № 17. С. 38–56). Этой его статьей полемика и закончилась. М.В. Милонов констатировал в письме к Н.Ф. Грамматину от 14 января 1813 г., что Мартос «теперь в горе: Каченовский опять напал на него и срезал с ног»⁶.

Это была не самая шумная, не самая долгая и не самая бессмысленная полемика, которая развернулась на страницах «Вестника Европы»: четыре статьи в пяти журнальных номерах. Но именно она приобрела особенную известность. Даже в специальных работах указывается, что «предвестником упадка Вестника Европы были его (Каченовского. — В.К.) статьи о банном строении [...] почти в каждой книжке журнала говорилось о банном строении»⁷. Засилье в журнале «банных» статей явно преувеличивается, и сам спор воспринимается как «знаменитый своей мелочностью и продолжительностью»⁸. В популярной же литературе, подчас, именно «банные» статьи представляются основной научной заслугой Каченовского.

И что интересно: в «отрицательном» восприятии этой полемики запомнился именно лопидарный и дельный Каченовский, а не его многословный оппонент. Произошло это, кажется, потому, что две работы на «банную» тему явились в очень интересное для «Вестника Европы» время. «С 1808 по 1811 гг. журнал переживал заметный подъем, и в его истории эти годы были лучшими»⁹. В.А. Жуковский, редактировавший журнал в 1808–1809 гг., сумел дать ему особенное «лицо», определить круг сотрудников и заинтересовать читающую публику. С 1810 г. явился «соредактор» Каченовский — и в первом же номере открывает раздел «Критика» рецензией, посвященной столь странному предмету. Читатель

⁶ Библиографические записки. 1859. № 10. Ст. 302.

⁷ Весин С.П. Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб, 1881. С. 7–8.

⁸ Зыкова Г. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998. С. 75.

⁹ Гиптус В.В. «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 171.

вряд ли вчитывался в непривычные для него исторические штудии: что интересного в *банном строении*? Рецензия в контексте журнального номера казалась — уже по заглавию — явно «экзотической».

А вторая (и последняя) рецензия появилась в сентябре 1812 года, когда гремела Отечественная война, только что прошло Бородинское сражение, а Москва — готовилась к сдаче неприятелю... 17-й номер «Вестника Европы» был наполнен соответствующими материалами: патриотическая «Военная песнь», ораторское «Слово...» об Александре I, «Анекдоты о Бонапарте», статья «О политических обманах Франции». И рядом — совсем уж к делу не идущее завершение непонятной полемики о «банном строении». Что же это за «строение» такое, что на него даже тогда, когда «враг у ворот», — журнальных страниц не пожалели?

В подобного рода журнальных выступлениях Каченовский был *нарочито неуместным* — именно поэтому они и запомнились. Через три десятилетия после полемики о «банном строении» ученик Каченовского М.А. Дмитриев в пародийной балладе «Двенадцать сонных статей» (1839) включил эти его статьи в общее представление о деятельности редактора «Вестника Европы» в лучшие его годы. Вот — воспоминание от лица старого редактора давно угасшего журнала; здесь поминаются еще и статьи «О славянском и в особенности церковном языке» и «О белых лобках и кунных мордках»:

Прошли те дни, как мой журнал
Единое был чтение!
Век золотой, как я писал
Про банное строенье!
Как мог ученостью и я
Других морочить дерзкой,
Когда доказывать брался,
Что наш язык есть сербской!
Каких я истин ни искал
Для блага человека!
О кунных мордках рассуждал!
О, дни златого века!¹⁰

В «боевой» атмосфере журнальных полемик конца 1830-х годов давние «мелочные» статьи Каченовского казались как будто «сонными» (то есть клонящими в сон своей сухой «ученостью»). Но в 1810-е годы, в ситуации «единого чтения» (одного толкового журнала), они производили впечатление «эпатажное». Впервые явилось критическое отношение к истории, основанное на трезвом

¹⁰ Эпиграмма и сатира. Т. 1. С. 294. Курсив мой. — В.К.

природном уме и деловитости автора, ставшее преддверием «скептической школы» русской историографии. С этих же позиций Каченовский подходил и к университетскому преподаванию истории — еще до появления «Истории» Карамзина. Вот воспоминание того же М.А. Дмитриева, относящееся к 1813–1814 гг.:

«Русскую историю преподавал он не так, как вообще понимали ее в это время: не как повествование происшествий, по годам и много-много что с разделением на эпохи. Он опередил свое время, и из всех тогдашних профессоров, может быть, один он годился бы на кафедру и в нынешнее время. Он читал русскую историю критически, что в то время было большою новостью. Он начал с обозрения источников русской истории в их хронологическом порядке и с критической их оценки. Он столь подробно разбирал их, что в этом прошло почти полгода. До него мы знали только по именам и Болтина, и Шлецера; он разоблачил нам и их и многих и довольно коротко познакомил с Нестором. Одним словом, наша история, вообще довольно утомительная и скучная, в некрасноречивом преподавании Каченовского представлялась нам живою, самую интересною наукою, требующею не одной памяти, а деятельности сил умственных!»¹¹

Самым интересным в таком подходе оказывались исторические «легенды»: те видимые неточности, которые находились в летописях, представляли не столько «выдумкой», которую надо обличить, сколько *мифом*, который требовал объяснения. С этой же установкой Каченовский в 1818–1819 гг. в журнальных письмах «От Киевского жителя к его другу» высказал восторженное отношение к только что вышедшему труду Карамзина. И совсем не случайно он, отдав должное этому капитальному труду, принял «рассматривать *предисловие* к Истории Государства Российского, в котором многие места восхищают мою душу, но где также есть кое-что, увлекающее слабую голову мою в соблазн *критикования*»¹². В этом «предисловии» (Каченовский подробно разбирает и сличает два его французские перевода) недостает, по наблюдению «киевского жителя», именно «критического» пафоса: рецензента не удовлетворяет именно позиция «последнего летописца», которую сознательно избрал для себя автор «Истории государства Российского»¹³.

¹¹ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 113.

¹² Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 18. С. 127. Продолжение там же: 1819. Ч. 103. № 2. С. 117–132; № 3. С. 198–208; № 4. С. 289–298; Ч. 104. № 5. С. 45–53; № 6. С. 124–136.

¹³ См.: Кудрявцев И.А. «Вестник Европы» М.Т. Каченовского об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Труды Моск. Историко-архивного ин-та. 1965. Т. 22. С. 211–249.

При этом желчный Каченовский, критикуя не столько Карамзина, сколько его переводчиков, по выражению М. Дмитриева, «начал жевать его предисловие и привязываться к словам». Его огромное «Письмо» было сухо и наукообразно — и совсем непонятно широкому читателю. Для приятелей Карамзина и его наследников-«арзамасцев» уже само «дерзновение» критиковать великое создание человека, который почитался «infaillible, как Папа Римский», было «профанацией, почти святотатством»¹⁴.

При этом сомнительная репутация редактора «Вестника Европы» сформировалась как раз в пору полемики о «банном строении». П.А. Вяземский в письме к К.Н. Батюшкову от 9 декабря 1811 г. привел характерную сценку стычки «Профессора-журналиста» с издателем «Аглаи» П.И. Шаликовым, «Князем журналистов»:

«И вот едет Шаликов на паре лошадей по большой дороге, и вот приближается к Московской заставе и въезжает. Пообчистившись, колико возможно ему было, от грязи, едет он на извозчике в типографию, и вот уже и входит! и вот уже пускают вопли мщения чернила, бумага и весь причет книгопечатания! “Добро! вот я вам дам! Ведь я опять здесь!” — записал издатель “Аглаи”, и вот весь причет книгопечатания, объятый ужасом, умолкает!

И вот входит в типографию Каченовский переписывать из старых книжек “Вестника” статьи на будущие, надеясь, как умный человек, на дурную память своих читателей!

И вот Князь журналистов подходит к Профессору-журналисту и журчит ему: “Милостивый государь! позвольте мне спросить, получили ли Вы мое письмо, где я говорю о бедной женщине, прося мое письмо поместить в Вестнике?” — “Получил” — “А почему не напечатали?” — спрашивает Князь журналистов, поправляя розу, приколотую у него на фраке! — “А потому — отвечает Профессор-журналист, поправляя зеленый зонтик, висящий у него на глазах, — что Вы называете эту женщину *супругою*, а об муже ее ни слова не говорите. И следственно, напечатать Ваше письмо, я бы мог ввести себя в неприятное положение против мужа той женщины!” — “Итак, извольте мне отдать моё письмо! оно мне годится для наполнения Аглаи!” — “К сожалению, не могу удовлетворить вашему желанию. Письмо ваше потеряно!” — “Как! мое письмо, плод моего пера, бумага, орошенная моими слезами! — о, вы злой человек! и это все знают!” — “Позвольте усомниться в справедливости ваших слов, — отвечает ему Профессор-журналист, — ибо, хотя я и был бы злым и все бы то знали, и тогда не стали бы говорить, а доказательством тому служите вы: вы дурак, все это знают, а, однако ж, и тут никто не дает себе труда об этом говорить!”»¹⁵.

В сценке, представленной Вяземским, выведены не столько два конкретных «журналиста», сколько две литературные «репу-

¹⁴ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 116.

¹⁵ Литературный архив: Мат-лы по истории рус. литературы и обществ. мысли. СПб., 1994. С. 126–127.

тации», противостоящие одна другой. Шаликов, олицетворение «чувствительного дурака», — и Каченовский, образ «делового умника»: последний, по определению, должен быть «злым» и воспринимать мир сквозь «зеленый зонтик» на глазах. Против «необходимого злодейства» редактора «Вестника...» и ополчилась московская литературная молва. Корреспондент Вяземского, Батюшков, в письмах называет Каченовского «бритва Парнасская» и представляет как «человека рачительного», «с критическим умом». Кстати, Батюшков был как будто единственным из «арзамасцев», кто, узнав о «набеге Каченовского» на «Историю государства Российского», занял «примирительную» позицию: «Не гневайтесь: Каченовский делает свой долг, Карамзин — свой»¹⁶.

Но именно исполнение «редакторского» долга определило данности «репутации» Каченовского — необходимого «злодея» и педанта. При первом взгляде на эпиграммы А.С. Пушкина можно подумать, что именно Каченовский был его главным врагом в словесности: самое большое число колких эпиграмм поэта разных лет направлено против него и «журнала, совсем не европейского». И какими только «кличками» Каченовский в них не награждается: «Бессмертною рукой раздавленный зоил», «Хаврониос! Ругатель закоснелый», «Клеветник без дарованья», «Охотник до журнальной драки», «Курилка журналист», «зоил Пахом», «древний Кочерговский». Самое же интересное, что поводами для этих эпиграмм стали высказывания и «проделки» не редактора «Вестника Европы», а тех авторов, которые анонимно или под псевдонимами в журнале печатались: А.Г. Глаголева, М.А. Дмитриева и т.п.¹⁷ «Злой паук» Каченовский в этом случае, как водится, был основным «ответчиком».

Тем не менее, деятельность «злого паука» востребовалась Пушкиным — подчас, в самом неожиданном направлении. Про полемику о «банном строении» поэт слышал, — но исключительно «по названию». Большинству читателей представлялось, что предмет спора — какая-то особая конструкция «*бань, в которых парятся*». Пушкин с юности был знаком с этой «конструкцией», поскольку рано полюбил процесс мытья в русской бане — ср. в сохранившемся фрагменте сожженных автобиографических записок: «Вышед из лица, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. — Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч.»¹⁸. И, конечно, знал, что *баня* — это

¹⁶ Батюшков К.Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 130, 203, 516.

¹⁷ См. коммент. М.И. Гиллельсона в кн.: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 598–599.

¹⁸ Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. XII. С. 304.

небольшой и непритязательный деревянный сруб с простой печкой-«каменкой» и мойкой внутри...

Однако, Ратмир, герой поэмы «Руслан и Людмила» (действие которой происходит в условной древней Руси), попадает в совсем иное «строение»:

Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковер;
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубится;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает...¹⁹

В той «русской бане», которую знал Пушкин, не могло быть ни «фонтанов», ни «ковров» и не разместились бы «двенадцать дев». А с другой стороны: кто его знает, каким было «банное строение» в «преданьях старины глубокой»? Не случайно ведь умные историки, разбирая Несторову летопись, спорили о нем! Такой была логика автора поэмы. Разуукрашивая «банное строение», поэт даже и не предполагал, что в летописях и преданьях «банным» могло называться какое-то иное «строение».

Личное знакомство Пушкина с Каченовским произошло только 27 сентября 1832 г. когда поэт посетил Московский университет, где бывлой редактор «Вестника Европы» служил в должности ректора. Перед посещением Пушкин заметил (в письме к жене): «...в Московском университете я оглашенный. Моё появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит моё самолюбие». («Оглашенные, изыдите! — возгласение священника во время литургии; нехристиане обязаны были на сие время выходить из храма»²⁰.)

¹⁹ Там же. Т. IV. С. 53.

²⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 643.

А после этого «появления» — с удивлением констатировал: «На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились [с] ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления»²¹.

И.А. Гончаров, бывший одним из «предстоящих» в этой беседе, уважал Каченовского: «Это был тонкий, аналитический ум, скептик в вопросах науки и отчасти, кажется, во всем. При этом — строго справедливый и честный человек». Особенно выразительно профессор выглядел в минуты полемики: «Щеки его, обыкновенно бледные, загорались алым румянцем и глаза блистали сквозь очки, а в голосе слышался задор прежнего редактора “Вестника Европы”. Он мысленно видел перед собою своих ученых противников и поражал их стрелами своего неумолимого анализа». У него с Пушкиным «нечаянно» возник разговор «по поводу “Слова о полку Игоревом”, разговор, который мало-помалу перешел в горячий спор. [...] Я не припомню подробностей их состязания, — помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным»²². «Слез умиления» Гончаров не зафиксировал.

Но показательно «самоощущение» поэта, недолюбливавшего Московский университет и готовившегося к роли «оглашенного». Вот он оказался — едва ли не впервые — участником публичного спора со «злым пауком», который в свое время много ему насолил. А увидел просто страстного ученого, доказывающего свою правоту — и право на *сомнение*, которое, в сущности, способствует развитию любой науки.

И неважно, о чем спорят: о гениальном памятнике древней письменности — или о «банном строении». Каченовский продемонстрировал такой тип отношения к противнику, который оставался уважительным вне зависимости от конкретных идей, которые противник высказывал. Жаркий спор, оставаясь спором, принимал *дружеские* и даже «умилительные» формы. С чиновником такой спор невозможен — для университетского ученого он естественен. Важно, чтобы оппонент осознавал *предмет* спора, — а совсем не то, что получилось с «банным строением», когда ученая полемика обернулись неуклюжим анекдотом.

²¹ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XV. С. 32, 33.

²² Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 207—208.

Литература

Гиппиус В.В. «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1. С. 177–193.

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: НЛО, 1998. 752 с.

Зыкова Г. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М.: Диалог-МГУ, 1998. 130 с.

Кудрявцев И.А. «Вестник Европы» М.Т. Каченовского об «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина // Труды Моск. Историко-архивного ин-та. 1965. Т. 22. С. 211–249.

Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. 398 с.

Николай Полевой. Материалы по истории русской журналистики тридцатых годов. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 542 с.

References

Dmitriev M.A. *Glavy iz vospominanii moei zhizni*. Moscow: NLO, 1998. 752 p. (In Russ.)

Gippius V.V. “Vestnik Evropy”. *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki*. Leningrad: Izd-vo LGU, 1950. V. 1. P. 177–193. (In Russ.)

Kudriavtsev I.A. “‘Vestnik Evropy’ M.T. Kachenovskogo ob ‘Istorii Gosudarstva Rossiiskogo’ N.M. Karamzina”. *Trudy Moskovskogo Istoriko-arkhivnogo instituta*. 1965. V. 22. P. 211–249. (In Russ.)

Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli. St.-Petersburg: Nauka, 1994. 398 p. (In Russ.)

Nikolai Polevoi. Materialy po istorii russkoi zhurnalistiki tridsatykh godov. Leningrad: Izd-vo pisatelei v Leningrade, 1934. 542 p. (In Russ.)

Zykova G. *Zhurnal Moskovskogo universiteta “Vestnik Evropy” (1805–1830 gg.): raznochintsy v epokhu dvorianskoi kul'tury*. Moscow: Dialog-MGU publ., 1998. 130 p. (In Russ.)

“The Bathhouse Paradox”: on M.T. Kachenovsky’s Literary Reputation

V.A. Koshelev

Abstract: The article considers polemic on “the bathhouse” that took place in Russian journals of 1810s and explores the making of literary reputations and shows the way a scholarly argument transforms into an anecdote, and its topic devoid of its concrete meaning, becomes a subject of an epigram.

Keywords: Russian journalism of the XIXth century, polemic in journals, literary reputation, M.T.Kachenovsky, A.S. Pushkin, *Vestnik Evropy*

Information about the author: Vyacheslav A. Koshelev, Doctor Hab. in Philology, Professor at Azamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru